

ВОПРОС О ДОБРЕ И ЗЛЕ – ЭТО ПЕРВЫЙ ВОПРОС,
КОТОРЫЙ СТАВИТ ПРОСНУВШАЯСЯ СОВЕСТЬ

Ответы свящ. Георгия Кочеткова на вопросы о фильме «Мастер и Маргарита»

Хороший фильм, правда? Он ведь очень точно передает события романа?

Пожалуй, и да, и нет. Следование, иногда даже слишком буквальное, страницам романа — иногда приятное, иногда немного механическое — безусловно, свидетельствует о намерении следовать именно тексту. Хорош же фильм или нехорош — вопрос сложный. Есть разные вкусы, могут быть разные критерии оценки. Так что здесь нужно разбираться.

При просмотре фильма все время возникает вопрос: а был ли Булгаков верующим? Нужно сказать, что при чтении романа об этом как-то не думалось...

Конечно, Булгаков для нас прежде всего автор романа. Он был большим, настоящим художником, и поэтому его мысли, его образы имели самостоятельное значение. Нельзя отождествлять Булгакова с Мастером, хотя параллели находить можно и нужно. Этот роман, куда он вложил всего себя, что-то может сказать и о нем самом. Булгаков, конечно, был верующим человеком. Он был и мыслящим человеком, настроенным, в духе своего времени, немного позитивистски, немного по-ренановски... Но при всем том он был человеком традиционной русской культуры и традиционной русской духовности. Нельзя забывать, что его отец был профессором Киевской духовной академии.

Как Вам кажется, сатана и должен быть таким спокойно-неподвижным, каким предстает в фильме Воланд? Всегда кажется, что у него должен быть «сатанинский блеск» в глазах и вообще — некая «заведенность», как бы сила...

Воланд в фильме получился не совсем сатана, он — «часть той силы, что вечно ищет зла и вечно совершает благо...» Он все-таки человек, который созерцает зло и старается осуществить принцип справедливости в этом мире, наградить добро и воздать злу, иногда жестоко. Отсюда и его свита — иногда веселая, иногда — беспощадная и мрачная. Его созерцание — это не внутренняя примиренность, он просто созерцательно оценивает, берет на себя функцию судьи, который выносит приговоры. Он не склонен прощать, в нем нет милосердия — в этом его фундаментальность и серьезность. Может быть, в фильме с этим немного переборщили. У Булгакова в романе Воланд хотя и профессор, но он внутренне очень динамичен. В фильме же он немного «тугодум».

А самого по себе Иешуа многие представляли по-другому. Не таким жалким, что ли... Он уж совсем не похож на Христа, во всяком случае, в фильме больше не похож, чем в романе.

Так оно и есть. Создателям фильма трудно было с подбором молодых актеров. Хорошие внешние данные тех, кто играл Иешуа, Мастера, Маргариту не очень соответствовали масштабу актерского дарования. На этом фоне старые мастера, безусловно, выигрывали.

Многие молодые люди воспринимают фильм так: «Прикольно! Надо будет все-таки почитать». Это же хорошо? Значит, фильм выполнил какую-то важную культурную и духовную задачу?

Конечно. Сейчас, на мой взгляд, идет мода на фильмы, полные мистифицированных образов сражения Добра и Зла. Народу это нравится, и экранизация «Мастера и Маргариты», конечно «попала в

струю», и, может быть, под эту струю и делалась. Поэтому фильм был обречен на успех, и какова бы ни была критика — конечно, многие ожидали большего — но все равно все его смотрели, он стал событием.

Я могу сказать одно — когда люди вообще начинают думать о христианских темах, о борьбе добра и зла, это хорошо. Когда они начинают путать это, бросаться на других с ножами или с руганью, тогда происходит шизофрения — духовная или душевная, а жизнь не терпит шизофрении. Если же это отсутствует и превалирует размышление над тайной добра и зла — то, что ведет к раскрытию тайны, если люди начинают думать над этим, это всегда полезно, независимо, что это вызовет — «Мастер и Маргарита», или «хроники Нарнии», или фильмы о Гарри Поттере, или соответствующие сюжеты Толкиена.

Я считаю знаковым явлением то, что опять вернулись к основам, т.к. вопрос о добре и зле — это первый вопрос, который ставит проснувшаяся совесть, встревоженное сердце человека. Поэтому меня очень вдохновляет, что современная молодежь горячо реагирует на эти вещи.

О ГЛАВНОМ ГЕРОЕ РОМАНА МИХАИЛА БУЛГАКОВА
«МАСТЕР И МАРГАРИТА»

В 1940 году в тяжких мучениях умер Михаил Афанасьевич Булгаков, сын ординарного профессора Киевской Духовной Академии, великий мастер Слова. Буквально до смерти, уже потеряв зрение, он дорабатывает лучшую свою книгу «Мастер и Маргарита», прибегая к помощи супруги, горячо им любимой и ставшей одним из вдохновляющих прообразов подруги Мастера. В этой книге Булгаков хочет нам что-то открыть и рассказать, поделиться чем-то совершенно новым и в то же время переосмыслить все бывшее до него, старое, в свете этого нового. Он пишет пророческую книгу, полагая душу свою за Истину, заложенную в ней. Эта Истина — одна из последних известных нам великих попыток построения целостной творческой антропологии. Исходные позиции Булгакова здесь еще вполне традиционны с точки зрения церковного учения о Промысле Божию о человеке и мире. Он говорит устами философствующего созерцателя, князя тьмы Мессира Воланда: «Все будет правильно, на этом построен мир». И еще: «Кирпич ни с того ни с чего никому и никогда на голову не свалится».

Однако внутренние и внешние особенности его жизненного опыта в кризисную историческую эпоху заставляют давать своеобразное раскрытие этих его истин. Монизм в истоках ведет к дуализму в их эволюции. И не случайно эпиграфом к первой части

книги служит близкое по духу дуалистическое место из «Фауста» Гете: «...так кто ж ты, наконец? — Я — часть той силы, что вечно хочет зла и вечно совершает благо». Булгаков всей душой ищет это благо и стремится к нему с великой простотой надежды, в то же время горько ощущая всем существом недостойность свое и мира. Это заставляет его углубленно размышлять и духовно познавать сверхэмпирическую реальность, вводя подчас удивительно тонкие различия и нюансы.

Так, он далеко разносит по разным ведомствам (добра и зла, точнее, света и тени) посмертные награды покоем и свободой света, относимые к ведомству тени, а второе — ведомству света, при всей сопряженности которых ощутительно показывает и великую пропасть между ними. Это может напомнить концентрацию внимания на промежуточной и в этом смысле сугубо экзистенциально-трагической фигуре привязанного ко столпу обнаженного человека на границе Рая и Ада, обычно появлявшейся на средневековых православных иконах Страшного Суда.

Этот человек мог иметь и веру, и добрые дела, но вперемешку с мирскими суевериями и делами суетными и злыми. Исходя из этого Булгаков себя и современный ему мир приговаривает к участи не заслуживших света, причем оставляет надежду на всеобщее восстановление (апокатастасис) и освобождение

во свет. Это-то и дает ему право диалектически сопрягать противоположность света и тени и смягчать отношения между их адептами и даже главами (Иешуа и Воландом).

Поэтому никого не может удивлять та растерянность при поисках духовных прототипов книги Булгакова, когда приводятся параллели из учений гностических, оригенистических, романтических, экзистенциальных, а подчас и дуалистических, богемильских, масонских или антропософских, а также доказываются сродство этой книги с книгой Иова и лучшими творениями Данте, Шекспира, Сервантеса, Гете, Пушкина, Байрона, Лермонтова, Гоголя, Достоевского, поэтов-акмеистов, Флоренского.

Такие сближения всегда отчасти верны и не верны, ибо позиция и опыт Булгакова не сводимы до конца ни к одному учению, ни к одной книге. Они являются результатом внутреннего свободного творчества Булгакова в христианском смысле этого слова, что было задано самим духом времени, о котором сказано: «...ныне всякий культурный человек — христианин». Не однажды уже было отмечено, что книга, или как ее еще иногда условно называют, роман, Булгакова «Мастер и Маргарита» очень близка и актуальна для современного понятливого читателя.

Продолжение на с. 2

Начало на с. 1

ля, причем не только потому, что сбылись многие ее пророчества (хоть бы взять знаменитое «рукописи не горят»: ведь действительно, сожженная Булгаковым в марте 1930 года книга сначала была возрождена и обновлена самим автором, а потом в своем конечном виде появилась в печати в 1973 году).

Книга Булгакова выходит за рамки любого жанра, в ней множество персонажей и духовно-идейных сгустков, она многопланова даже внешне, по композиции. Этот материал настолько богат и многообразен, что несмотря ни на что можно смело утверждать: ключи к главным, наиболее существенным и не лежащим на поверхности пластам произведения Булгакова еще не подобраны. И особенно это следует сказать о так называемых главах о Христе, или «Евангелии от Воланда», т. е. от Сатаны.

Несколько раз стройный текст романа прерывается как бы вставками, звучащими то как рассказ явившегося со свитой в Москву конца двадцатых-тридцатых годов консультанта по черной магии профессора Воланда об Иисусе — Иешуа га-Ноцри, то как части произведения самого героя книги — Мастера, созданного его духовным творчеством и принесшего Мастеру как радость и любовь, так и горчайшее испытание, отчаяние, страх и болезнь, то как авторский булгаковский текст.

Таким образом, автор этих глав как бы троицей, он — тройственен, что служит укреплению веры в полнейшую достоверность и истинность всего этого повествования, родившегося не от досужего ума, но от *тревоги*, выросшей из разрушенного, но вождленного *покоя*, что дважды выражается дословно одинаково Мастером и Понтием Пилатом: «И ночью при луне мне нет покоя, зачем потревожили меня? О боги, боги...»

«Главы о Христе» содержат повествование только об одном дне, который в церковных календарях обозначается как Великая Пятница, о дне, в который произошли в Ершалаиме допрос у Пилата, осуждение, распятие и смерть Иешуа, а также убийство тайной службой Пилата Иуды из Кириафа.

Начинается это повествование, равно как и заканчивается оно, а потом весь роман, словами о жестоком «пятом прокураторе Иудеи всаднике Понтии Пилате».

Это внимание к личности и трагедии Пилата заставляет самого Булгакова назвать в тексте главы о Христе «романом о Понтии Пилате». В связи с этим у нас сразу встает вопрос о том, кто же все-таки главный герой этих глав — романа в романе? Вопрос далеко не академический, ибо ответ на него помог бы нам распознать тайный код, являющийся единым ключом ко всем запорам, которые не допускают к глубинным пластам булгаковской книги. Обычно интуитивные (как и осознанные) ответы на этот вопрос сводятся лишь к тому, что им является или Христос, отождествляемый с Иешуа, или Иешуа и Пилат, изредка же — просто Пилат. И так много правды в каждой такой позиции, что приходится констатировать, что все они правы, но одновременно подозревать, что ни одна из них всей правды еще не содержит. К тому же подталкивает нас тройственность авторских лиц, которым эти главы приписаны.

Тут мы должны вспомнить о дуализме воззрений Булгакова, о сопряженности «ведомств» света и тени,

милосердия и возмездия в их взаимодополнительности. Дуалистическая система Булгакова — не самая сложная, она, может быть, даже в известной степени уже содержалась в интеллектуальной культуре нового времени, и потому является общей для многих мыслителей и писателей, касавшихся этой тематики. С одной стороны, совершенное Добро, чистый Дух, святое Слово, воплощенные в странствующем бродяге Иешуа Га-Ноцри, с другой же — тяжелая плоть мира сего, требующая в отношении к себе справедливости и возмездия за теневые дела и получающая их от лица Мессира Воланда.

Но зовя отмщение, правая сила не способна упиваться жестокостью, бесконечно наслаждаться мстительным чувством торжества. Милосердие — другое лицо справедливости. Мы вправе сказать, что в главах о Христе, когда речь идет о главном герое, надо говорить всегда сразу по меньшей мере о паре их — об Иешуа и Воланде, несмотря на то, что образ Иешуа открыто и явно присутствует в повествовании, а Воланда — лишь имплицитно и намеком. О присутствии Воланда при всех событиях Великой Пятницы говорит лишь он сам, да как бы случайно оброненное автором книги замечание о состоянии ожидающего в сумерках известия о погребении Га-Ноцри прокуратора, который «как будто на глазах постарел, сторбился и, кроме того, стал тревожен. Один раз он оглянулся и почему-то вздрогнул, бросив взгляд на пустое кресло, на спинке которого лежал плащ. Приближалась праздничная ночь, вечерние тени играли свою игру и, вероятно, усталому прокуратору померещилось, что кто-то сидит в пустом кресле».

Однако не случайно эти главы называются еще «романом о Понтии Пилате», ибо явно недостаточно и двух «главных героев». Понтий Пилат, а вслед за ним по типологии и оставшиеся авторы повествования о Христе, безусловно включенные в самую ткань его, также могут быть названы в полном смысле слова главными героями. Итак, надо констатировать парадоксальный факт, что «повествование о Христе», имеющее тройственного автора, заключает в себе пять главных героев и никак иначе. Это, видимо, легче было бы себе представить графически.

	Понтий Пилат	
Воланд	Мастер	Иешуа
	Булгаков	

Что же объединяет на пьедестале «главного героя» — Пилата — с Мастером и автором книги? Прежде всего то, что все они не заслужили света, но находясь в «ведомстве» Воланда, устремлены к этому свету и к свободе. Один из них, а именно Пилат, уже на страницах книги достигает желаемого, будучи освобожден могучим словом Мастера. О Мастере же просит Воланда посланец Иешуа Левий Матвей, находя возможным наградить его покоем. О том же думает и мечтает, так же, как и Мастер, сломленный отчаянием и страхом автор книги. Все трое, прозрев, учуяв Истину, в последней схватке со злом не выдержали и отступили, хоть и по-разному.

Однако этого достаточно, чтобы вместо «закона свободы» подпасть под «закон справедливости», ибо никто и никогда не имеет права уступать злу... конец борьбы — это конец самой жизни, ее человеческого (а можно еще добавить — и божественного) смысла и содержания. Это — печать отчаяния, проклятие и

гнев Творца.

И даже если это еще не тьма, даже если человек только отступает, только замыкает в себе то, что должен нести другим, все равно это уже никак не свет. Так утверждается безусловная первичность духовно-нравственной позиции человека в любых условиях его существования, без какой-либо поправки и компромисса, и не допускается никакая уловка оправдания. И при этом в уста Иешуа вкладываются значительные слова: «Трусость, несомненно, один из самых страшных пороков!», а сам Булгаков даже предлагает еще более ригористическую формулировку: «Это самый страшный порок!» В конечном счете

можно прийти к выводу, что главный герой повествования о Христе целиком идентичен главному герою всей книги Булгакова.

И в связи с этим надо сделать еще одно очень важное замечание, которое хоть и касается глав о Христе, однако может быть выявлено лишь в общем контексте книги. Кроме дуализма воззрений Булгакова, сознательно включенного в мыслительно-духовную ткань романа, мы можем заметить еще, видимо, неосознанный дуализм авторской позиции. Противостояние и связь ведомств Иешуа и Воланда воспринимаются все-таки как некая гностическая конструкция, как временные мехи интеллектуальной культуры, но это лишь мехи, а в них — молодое вино чистого христианского духа, выражающегося в духовной культуре и олицетворенного уже не Воландом и Иешуа, а живым Господом Иисусом. Но это обстоятельство, проявляющееся в основном на материале менее обработанных последних глав (например, запрет Азazelло кухарке совершить крестное знамение под угрозой отсечь руку в эпизоде запаления подвальчика Мастера), снова возвращает нас к вопросу о главном герое, ибо делает, по меньшей мере, недостаточным любой ответ на этот вопрос, в том числе и наш.

Мы теперь не можем сомневаться, что главным героем «повествования о Христе» является еще и Христос, и вывод этот, казалось бы, так и лежавший сначала на поверхности и потому до сих пор даже не упоминавшийся, дает нам право совсем снять заданный темой вопрос, ибо ни в одну схему Дух Христов не влезим. В заключение напрашивается общий дерзновенный вывод о том, что при дуализме воззрений, а также позиции Булгакова невозможно хоть когда-либо сказать что-то однозначно-определенное о главном герое повествования — о Христе, ибо воистину это одновременно Мессир Воланд и Иешуа Га-Ноцри с промежуточными фигурами Понтия Пилата, Мастера и автора книги, с одной стороны, и Иисус Назорей, с другой. Но таковой была и живая жизнь булгаковского времени, третьего было не дано.

И Булгаков остался верен Жизни, выбрав и избрав на века самый прямой и узкий путь среди соблазнов, пройдя свое поприще до конца по заповеди «кто хочет душу свою сберечь, потеряет ее, а кто потеряет ее ради Меня и Евангелия, тот сбережет ее». Оттого уже на закате своей земной жизни Булгаков говорит устами Мастера: «Боги, боги мои! Как грустна вечерняя земля! Как таинственны туманы над болотами. Кто блуждал в этих туманах, кто много страдал перед смертью, кто летел над этой землей, неся непосильный груз, тот это знает. Это знает уставший. И он без сожаления покидает туманы земли, ее болотца и реки, он отдается с легким сердцем в руки смерти, зная, что только она одна успокоит его...»

Да не поднимется ни одна рука осудить его, независимо от его «естественных» слабостей и имевшихся в истории прецедентов (например, с Оригеном). Вера и верность, высшее добро и справедливость, любовь и правда, творчество и свобода да живут в наших сердцах вечно, воспитанные Иисусом Христом и той христианской культурой, в мировой фонд которой безусловно вошла и книга Михаила Афанасьевича Булгакова «Мастер и Маргарита».

Священник Георгий КОЧЕТКОВ

* Статья была написана как реферат по стилистике в стенах Ленинградской Духовной Академии в 1980 году. Была опубликована в 146-м номере «Вестника РХД» за 1986 год и перепечатана в 10-м номере журнала «Православная община» за 1992 год.

